

— Куда ты тащишь моего Сатору?

Этот детский, ещё совсем неокрепший голосок прозвучал неожиданно мягко. Но Кэндзяку, чьё тело оцепенело от чудовищного давления, а кожа покрылась мурашками от первобытного страха, на миг лишился дара речи.

«Что за чертовщина?»

«Какого...»

Этот невинный голосок и удушающая, колоссальная аура... Они ведь совершенно не вязались друг с другом!

Превозмогая сопротивление собственного тела, в котором буквально каждая клетка вопила об опасности, Кэндзяку сокрушительным усилием воли заставил себя поднять голову.

В глаза швырнуло непроглядную, иссиня-чёрную бездну. Над головой раскинулись исполинские костяные крылья — точь-в-точь как у демонов из древних западных преданий. Усеянные острыми шипами, они затмевали собой всё небо.

Взглянув сквозь просветы между грозными шипами, Кэндзяку оцепенел. Обладателем этой жуткой силы оказался ребёнок — белокурый мальчик лет пяти, с точёными, кукольными чертами лица и бездонными, пугающе алыми глазами.

— Ты...

«Да как это возможно?! Этого просто не может быть!»

Кэндзяку прекрасно знал этого мальчишку. Но тот ведь должен был стинуть! Смерть от рук Оонамадзу, Проклятого духа особого ранга, была неизбежна.

Пятилетний ребёнок, заброшенный и презираемый собственной семьёй. Даже со своим Небесным ограничением он никак не мог одолеть проклятого духа особого ранга, да ещё и с такой пугающей лёгкостью!

«И откуда, чёрт возьми, у него эти крылья?!»

Ужасаясь непревзойдённому могуществу маленького Годзё Акихары, Кэндзяку в то же время ощутил, как сквозь ледяной панцирь страха пробивается иное чувство — непреодолимый, почти маниакальный азарт исследователя.

Ему безумно, до дрожи хотелось препарировать этого мальчишку, изучить каждую пядь его аномального тела и раскрыть тайну этой непостижимой силы.

Этот жадный, лихорадочный взгляд не укрылся от Акихары. Впрочем, будучи в прошлой жизни могущественным Владыкой Демонов, он навидался таких взоров сполна.

«О великий Владыка Демонов, повелитель Бездны и прародитель зла! Одари своего верного слугу частицей первозданной мощи, и я принесу тебе в жертву души всех живых существ на этих землях!»

Подобный шёпот то и дело доносился до самых глубин Бездны. Те, кто взывал к Владыке Демонов, неизменно оказывались отпетыми негодьями, чернокнижниками или безумцами, зажатými в угол.

Акихару никогда не прельщали сухие, пресные человеческие души, а потому он попросту игнорировал их нечестивые обряды.

Отгнав непрощенные воспоминания, он перевёл взгляд на спящего младенца с белоснежными волосами, которого Кэндзяку судорожно прижимал к груди.

— Куда ты собрался его нести? — бесстрастно спросил Акихара.

Его лицо оставалось абсолютно непроницаемым, а взгляд алых глаз сквозил леденящим равнодушием.

Этот холодный тон натолкнул Кэндзяку на неожиданную мысль.

«А ведь Акихара — старший брат Сатору, но отношение к ним в клане Годзё разнится как небо и земля».

Сатору — благословенный Шестиглазый, редчайший дар, рождающийся раз в столетие. Клан преклоняется перед ним, словно перед живым богом. А вот Акихара родился обделённым, лишившись проклятой энергии из-за Небесного ограничения. Для консервативных магов-дзюкуси он — пустое место, недостойный мусор, сосланный с глаз долой в заброшенную глушь.

Ему даже из поместья приходилось выбираться тайком, скрываясь от чужих глаз. Брошенный всеми, лишённый тепла и внимания ребёнка...

«Если я заберу его с собой, разве он не станет моим лучшим орудием?»

Кэндзяку мысленно ухмыльнулся, сообразив, как обернуть ситуацию в свою пользу. Да, мальчишка назвал младенца «моим Сатору», но опытного интригана это ничуть не смутило.

Его изощрённый ум мгновенно выстроил удобную логическую цепочку.

В кастовом мире магов-дзюцуси обделённым силой отпрыскам главной ветви уготована лишь одна участь — стать безропотными слугами одарённых сородичей. Влиятельные семьи часто возвращают из обделённых кровных братьев преданных псов, обязанных защищать гениального родственника ценой собственной жизни.

Акихара и Сатору — родные братья от одних родителей. И пусть старший обделён проклятой энергией, его физическое превосходство колоссально. Старейшины клана вполне могли подвергнуть мальчика психологической обработке, внушив ему слепую, рабскую преданность младшему брату.

«Он ведь всего лишь пятилетний несмышлёныш. Переписать его хрупкое сознание для меня, прожившего больше тысячи лет, не составит никакого труда».

Приняв благообразный и мудрый вид, лже-старейшина Камо мягко улыбнулся Акихаре. Он приготовился излить на него поток лживой заботы и сочувствия, чтобы вкратце в доверие к обманутому ребёнку.

— Я...

Договорить он не успел. В лицо ему с сухим свистом устремился целый рой бритвенно-острых ледяных клинков, сверкающих смертоносной лазурью.

Лишь звериное чутьё спасло Кэндзяку от мгновенной гибели. Он резко пригнулся, чувствуя, как холодная сталь пронеслась в волосах у макушки.

Смерть прошла на волосок. И хотя голова осталась на плечах, ледяные лезвия начисто срезали верхнюю часть причёски, обнажив ровную полосу кожи. По затылку неприятно потянуло сквозняком.

— Терпеть не могу, когда мне лгут, — холодно процедил Акихара, свысока взирая на едва уцелевшего врага.

Внутри Кэндзяку всё похолодело. Этот точечный удар едва не оборвал его затянувшееся на века существование. В голове промелькнула паническая мысль:

«Неужели этот сопляк знает мой секрет и целился прямо в череп, чтобы уничтожить мой истинный разум?»

Но многовековой опыт интриг помог ему быстро вернуть самообладание. Справившись с дрожью, Кэндзяку заговорил вкрадчивым, полным фальшивого сопереживания голосом:

— Неужели ты, обделённый признанием Клана Годзё и закованный в кандалы Небесного ограничения, совсем не держишь на них зла?

— Я знаю, тебя принудили. Тебе приказали охранять Сатору, превратив твою жизнь в щит для чужого величия. Но разве это справедливо? Вы оба — плоть от плоти главной ветви. Вы оба обладаете колоссальной силой. Так почему же тебя держат за цепного пса в тени, пока твоего брата превозносят как божество?

— Неужели твоё сердце не сжимается от горькой обиды?

— Твой скрытый потенциал ничуть не уступает хвалёному обладателю Шести глаз. Ты заслуживаешь того же почтения, той же роскоши и преклонения!

Кэндзяку затаил дыхание, заметив, как дрогнули черты лица белокурого мальчика. Лже-старейшина решил, что его слова наконец-то возымели действие.

Конечно, он подстраховался. Если переманить Акихару на свою сторону не удастся, у него всегда оставался запасной план отхода. Его пальцы незаметно скользнули в глубокий рукав просторного кимоно, нащупывая спрятанный там артефакт. На лице его при этом не отразилось ни единой лишней эмоции.

— Пусть меня и считают беспринципным проклинателем, я никогда не судил людей по их проклятой энергии. Твоё Небесное ограничение — это благословение, а не изъян. Если мы заберём Сатору, величие Клана Годзё пошатнётся. И тогда старейшинам волей-неволей придётся признать тебя своим новым лидером.

— Неужели тебе не хочется наконец занять причитающийся тебе по праву трон?

За массивными стенами поместья тем временем разверзся настоящий ад. Пропажа обладателя Шести глаз устроила колоссальный переполох. По тревоге подняли всю охрану и слуг; поисковые отряды стремительно прочёсывали территорию, приближаясь к окраине усадьбы. До слуха Кэндзяку уже долетали отголоски взволнованных выкриков.

Времени оставалось в обрез. Кэндзяку внутренне напрягся, однако продолжал выдерживать маску участливого наставника.

Акихара выслушал его тираду со странной, едва уловимой усмешкой. На его детском лице проступила холодная горделивость. Он слегка прикрыл глаза, пряча за густыми ресницами алый, хищный блеск, словно взвешивая заманчивое предложение.

— Эй, там кто-то есть!

— Живее, туда!

С той стороны забора раздались крики заметивших неладное слуг. Кэндзяку понял, что лимит исчерпан. Мешкать больше нельзя. Отбросив мысли о вербовке мальчишки, он решил немедленно задействовать заготовленный для побега трюк.

Его пальцы судорожно сжались вокруг припрятанного в рукаве артефакта. Но стоило ему приготовиться раздавить его, как пространство вокруг внезапно заволочло мертвенно-бледным ледяным паром.

Раздался резкий, сухой треск.

В мгновение ока ноги, пояс и руки Кэндзяку сковал монолитный, несокрушимый панцирь лазурного льда. Смертоносный холод стремительно полз вверх, подбираясь к самому горлу.

— Ты в корне ошибаешься, — прозвучал ледяной голос.

Акихара сделал едва заметное движение и оказался вплотную к парализованному врагу. Он хищно прищурился, глядя на прижатую к стене «крысу», и его маленькая, но стальная ладонь намертво сомкнулась на горле лже-старейшины.

— Мне плевать на приказы дряхлых старейшин. Ни одна живая душа в этом мире не смеет помыкать мной.

Никто и никогда не сможет подчинить своей воле Владыку Демонов.

— И то, что в его теле дремлет наследие Шести глаз, не имеет для меня ровным счётом никакого значения.

Мирские регалии и суетные амбиции смертных вызывали у него лишь презрение.

— Он — мой младший брат.

Моё единственное истинное сокровище, обретённое в этой глухой юдоли.

— А свои сокровища я оберегаю ревностно. Тот, кто посмеет посягнуть на них, лишится права дышать.

Абсолютный закон Бездны непреложен: сокровища Владыки неприкосновенны.

С этими словами Акихара бережно выхватил спящего малютку Сатору из ледяных объятий Кэндзяку.

Почувствовав, как остывает крошечное тельце на пронизывающем сквозняке, мальчик помрачнел. Его пальцы, сжимавшие шею лже-старейшины, сомкнулись сокрушительными тисками. Раздался сухой, отчётливый хруст — шейные позвонки мужчины мгновенно превратились в крошево.

Кэндзяку попытался было отбросить мёртвую оболочку и сбежать в своём истинном обличье, но под ногами вновь затрещал лёд. Острые ледяные иглы пробили кости черепа изнутри и намертво сковали вырывающийся наружу пульсирующий мозг, превратив мерзкого паразита в изящную, застывшую во льду скульптуру.

Парящий над землёй маленький Владыка Демонов брезгливо цыкнул сквозь зубы и окинул ледяную статую мимолётным, полным презрения взглядом.

— Я же предупреждал: твои дешёвые фокусы на меня не действуют.

<http://bllate.org/book/19395/1960235>